

Золотая чешуя

Шэн Чанчжоу мысленно корил себя. Он только прибыл в столицу, это ему не Область Минь, а он уже позволил себе такую опрометчивость и несдержанность на язык. Понимая, что навлѣк беду, он мог лишь махнуть рукой, приказывая слугам отступить.

— Не торопитесь. Это друг наследника князя. Я поговорю с ним. Ждите здесь.

Слуги, управляющий и охранники колебались. Они служили в семье Шэн много лет и были хорошо обучены. Получив приказ молодого господина, они, хоть и нехотя, опустили руки с рукоятей мечей и отступили на несколько шагов. Однако их взгляды, полные враждебности, были по-прежнему прикованы к незнакомцам. Атмосфера накалилась до предела.

Молодого стража звали Фан Цзысин. Он окинул взглядом охранников Шэна. Несмотря на их худощавое и невысокое сложение, на лицах многих виднелись шрамы, а во взглядах читалась жестокость. Вздувшиеся виски, мечи на поясе и выпуклости под одеждой, где, вероятно, скрывались арбалеты и другое потайное оружие, выдавали в них опытных бойцов, не раз проливавших кровь. Фан Цзысин подумал, что не зря говорят, будто морские торговцы и пираты — одного поля ягоды. Семья Шэн, вышедшая из морских торговцев, держала при себе таких головорезов, и в случае схватки его людям пришлось бы несладко. Но император, несомненно, будет на стороне наследника Сюя, и ранить его двоюродного брата было бы крайне неосмотрительно. Подумав об этом, он слегка улыбнулся.

— Наш господин лишь хочет переговорить с вами. Ваша безопасность гарантирована, молодой господин, не волнуйтесь.

Шэн Чанчжоу обернулся и снова успокоил своих людей:

— Ждите здесь. Если что-то понадобится, я позову.

Он шагнул вперѣд, и его провели вглубь двора, а затем в другой, совершенно тихий дом. Каменные плиты дорожки были безупречно чисты, очевидно, здесь часто убирали. Страж довѣл его до входа, где их уже встречали. Кто-то тихо посоветовал Шэн Чанчжоу:

— Молодой господин, отвечайте на вопросы правдиво и не навлекайте на себя беду.

— Благодарю за совет, господин управляющий, — поклонился Шэн Чанчжоу.

Управляющий, видя его учтивость и благовоспитанность, слегка улыбнулся.

— Не беспокойтесь. У наследника Сюя и нашего Девятого господина очень тёплые отношения.

Сердце Шэн Чанчжоу немного успокоилось. Он понял, что это действительно тот самый «молодой господин Хэлань». Войдя, он увидел того же благородного юношу, сидевшего во главе комнаты. Тот уже снял накидку. Казалось, он боялся холода: на сиденье была постелена толстая медвежья шкура, а под ним стояла жаровня. Облачённый в чёрный халат с широкими рукавами, он выглядел величественно и задумчиво. Его красивое лицо было омрачено печалью, а в руке он держал чашку с чаем, погружённый в свои мысли.

Шэн Чанчжоу поспешно подошёл и поклонился.

— Господин, меня зовут Шэн Чанчжоу. Я только что прибыл из Области Минь. Сегодня я ужинал с земляками и, будучи под хмелем, по ошибке принял вас за другого. Прошу простить мою дерзость.

Се И некоторое время молча разглядывал его. Юноша был красив, с тёмно-карими глазами, и его черты смутно напоминали Сюй Чуня.

— Ваша фамилия Шэн. Какое отношение вы имеете к госпоже Шэн из резиденции князя Цзин?

— Супруга князя Цзин — моя тётя, — ответил Шэн Чанчжоу.

Се И слегка кивнул.

— Значит, родственник, которого Сюй Чунь позавчера встречал в порту, — это вы?

Уверенность Шэн Чанчжоу крепла с каждой минутой.

— Наследник князя Цзин, Сюй Чунь, — мой двоюродный брат.

— Сегодня Сюй Чуня не было с вами. Как же вы узнали меня с первого взгляда?

— К стыду своему, — начал Шэн Чанчжоу, — меховая накидка, которая была на вас, была приобретена моими людьми за границей и привезена в столицу. Наследнику Сюю она понравилась, и он попросил её у меня, сказав, что хочет кому-то подарить.

На лице Се И промелькнуло удивление. Он повернулся к стоявшему рядом Су Хуаю.

— Действительно, — с улыбкой подтвердил тот, — вчера наследник Сюй прислал её с Люшунем. Я ещё не успел доложить Девятому господину. Я видел много мехов, но не смог определить, что это за зверь. Но раз уж наследник так старался, чтобы доставить её, я

подумал, что это, должно быть, не простая вещь. Сегодня, когда мы спешно выезжали, я увидел, что небо пасмурное, и побоялся, что к вечеру пойдёт снег, поэтому велел взять её с собой, намереваясь доложить вам при удобном случае.

— На самом деле, я и сам не знаю, — улыбнулся Шэн Чанчжоу. — Продавец лишь сказал, что она называется «накидка Цзигуан», не промокает в воде и не горит в огне. Из-за её редкого цвета я сразу её и узнал.

Се И кивнул.

— Перо феникса, драгоценное и несравненное. Вероятно, это местные торговцы приукрасили, чтобы продать подороже. На самом деле, это, должно быть, мех какого-то заморского зверя, что тоже большая редкость. Благодарю вас. Я и так многим обязан наследнику Сюю, а теперь получил ещё и такой ценный подарок от вас. Придётся ответить добром на добро. Скажите, молодой господин Шэн, что привело вас в столицу?

Шэн Чанчжоу на мгновение замялся и взглянул на управляющего. Тот едва заметно кивнул, давая понять, что следует говорить правду.

— Как вам, вероятно, известно, наша семья Шэн из поколения в поколение занимается морской торговлей в Области Минь. Недавно мы неожиданно получили уведомление от Управления по морской торговле о том, что семья Шэн назначена императорским купцом. Это великая честь. Хотя наша семья и желает служить отечеству, мы не совершили никаких заслуг перед двором. Получив такую милость, мы пребываем в смятении и не знаем, как отблагодарить. Поэтому глава семьи отправил меня в столицу, чтобы через резиденцию князя узнать, в чём дело.

На лице Се И появилась едва заметная усмешка.

— Вероятно, вы опасаетесь, что какой-нибудь влиятельный вельможа, преследуя свои цели, решил использовать имя императорского купца, чтобы завладеть богатством и влиянием семьи Шэн, и поэтому приехали разведать обстановку.

Шэн Чанчжоу поспешно поклонился.

— Как вы знаете, мы люди простые, неискушённые в придворных делах. Милость двора мы готовы отплатить жизнью, но служба императорского купца — дело ответственное. Мы не имеем опыта в этом, поэтому и приехали в столицу, чтобы найти нужных людей и узнать, какие товары следует закупать, чтобы угодить дворцу.

Се И отметил, что этот молодой господин из семьи Шэн умен, сдержан и говорит вежливо — во сто крат проникательнее и сообразительнее Сюй Чуня. Он подумал, что в семье Шэн действительно есть таланты, и кивнул.

— Вам повезло, что вы встретили сегодня меня. У других вы бы ничего не узнали.

— Благодарю вас за наставление, — глубоко поклонился Шэн Чанчжоу.

— Управление по морской торговле всегда находилось под надзором придворных евнухов, — сказал Се И. — Это я приказал главному евнуху в Области Минь, Ся Ваню, предоставить вашей семье статус императорского поставщика. Поскольку вы всегда занимались морской торговлей, вам поручается поставлять исключительно заморские товары. Думаю, с этой задачей ваша семья справится без труда.

Шэн Чанчжоу, услышав, как тот небрежно произнёс имя главного евнуха Области Минь, похолодел от страха и низко поклонился.

— Так вот где истинный Будда! Это я, слепец, не разглядел горы Тай и позволил себе дерзость. Скажите, чего вы желаете?

— Во-первых, юный князь Сюй пожертвовал сто тысяч лянов серебра на строительство кораблей, и я, в свою очередь, устроил так, чтобы его матери, госпоже Шэн, был пожалован титул первого ранга. На этом мы в расчёте. В конце концов, юный князь тратил деньги своей матери. Во-вторых, не так давно на меня было совершено покушение, и, благодаря помощи юного князя Сюя, который приютил меня в своём доме на несколько дней, я смог оправиться. Так я снова оказался в долгу перед ним. Князь Цзин — человек никчёмный, а лекари и слуги, ухаживавшие за мной, были из семьи Шэн. Так что, даровав вашей семье статус императорского купца, я считаю, что отплатил и этот долг.

Шэн Чанчжоу всё понял. Се И медленно продолжил:

— Я не люблю быть в долгу. Говорю вам это, чтобы развеять ваши опасения. Что касается службы императорского поставщика, исполняйте её добросовестно.

— За морем есть много искусных вещей, таких как сельскохозяйственные орудия, военное снаряжение, народные ремёсла, а также то, что может принести пользу государству и народу, например, семена зерновых, лекарственные травы, пряности, которых нет в нашей стране. Всё это можете привозить и подносить ко двору.

— Двор организует испытания и применение. Если удастся найти и внедрить какие-нибудь высокоурожайные сорта зерновых или усовершенствовать сельскохозяйственную технику, это принесёт пользу государству и народу. В будущем, когда в процветающем государстве не будет голодающих, это станет и вашей великой заслугой.

— Благодарю за наставление, — поклонился Шэн Чанчжоу. — Не смею ослушаться.

— Наша сегодняшняя встреча — случайность, судьба, — слегка кивнул Се И. — Но не стоит

рассказывать об этом Сюй Чуню. Вы, как его двоюродный брат, должны наставлять его, чтобы он учился и совершенствовал свои добродетели, не водился с легкомысленными людьми и не посещал неподобающие места. А главное, чтобы избавился от своей склонности к Южному ветру и нашёл себе в жёны девушку из знатной семьи. Вот это и будет правильный путь.

Шэн Чанчжоу, слыша эти праведные речи, окончательно понял, что перед ним не какой-то там господин Хэлань, а человек знатного происхождения, облечённый огромной властью. То, что он дважды отплатил семье Шэн, было лишь возвращением долга, без каких-либо корыстных целей. Это был поистине благородный муж. А то, что он особо упомянул о необходимости отучить Чунь-гэ от его склонности, было тонким намёком на то, что он не заинтересован в его двоюродном брате, и тем самым развеял все их опасения. Это вызвало у Шэн Чанчжоу глубокое уважение и восхищение.

Исполнившись почтения, Шэн Чанчжоу поспешно сказал:

— Юлинь ещё молод, должно быть, временно сбился с пути. Мы обязательно будем его наставлять... и строго следить за ним...

— Юлинь? — прервал его Се И.

Только тут Шэн Чанчжоу понял, что, расслабившись, по привычке назвал Сюй Чуня его детским именем.

— Юлинь — это детское имя моего двоюродного брата, наследника, — поспешно объяснил он. — Когда-то дедушка ходил в Храм Тяньхоу молиться за мою тётю, прося о благополучных родах. Вернувшись, он увидел во сне, как Небесная императрица бросила с облаков золотую чешую. Вскоре после этого родился маленький наследник, и дедушка дал ему это детское имя.

— Так, значит, «линь» — это «чешуя», а «ю» — «юный»? — с интересом переспросил Се И. — Интересно. Золотая чешуя... А во сне твоего деда это была чешуя рыбы или дракона?

— Этого дедушка не рассказывал, — с улыбкой ответил Шэн Чанчжоу, а сам подивился пронизательности собеседника. Обычный человек, услышав о чешуе, подумал бы о золотом карпе, кто бы осмелился подумать о драконе?

Се И слегка улыбнулся. Он мысленно повторил имя «Юлинь» и решил, что у этого юноши с ним действительно есть какая-то связь. Шэн Чанчжоу, видя, что выражение его лица смягчилось и стало более приветливым, осмелел и, подойдя ближе, снова поблагодарил:

— Вся наша семья Шэн глубоко признательна за вашу великую милость. Прошу, назовите ваше имя, чтобы в будущем мы могли отблагодарить вас.

— Не стоит, — махнул рукой Се И. — На этом мы в расчёте. Теперь, когда ваши сомнения

развеемы, просто добросовестно исполняйте свои обязанности.

— Молодой господин, прошу, — подошёл Су Хуай к Шэн Чанчжоу.

Когда Шэн Чанчжоу покинул дом и тот же страж проводил его обратно, его слуги, уже изрядно напуганные, с радостью бросились к нему, увидев, что он цел и невредим. Только сейчас Шэн Чанчжоу почувствовал, что, несмотря на холод, его одежда промокла от пота. Он ощутил, будто чудом избежал смерти.

Хоть он и был молод, но с ранних лет помогал отцу в делах и хорошо разбирался в торговле. Он понимал, что сегодня этот человек мог одним движением руки уничтожить и его самого, и всю семью Шэн. Глубоко вздохнув, он прежде всего приказал всем молчать о случившемся. Думая о своём юном двоюродном брате, он испытывал смешанные чувства.

А ведь мой маленький кузен влюбился в очень непростого человека.

Что до внешности, то да, он был небесно красив, словно нефрит. Но обычный человек, увидев его, был бы в первую очередь покорён его властностью, кто бы осмелился разглядывать его лицо, а тем более питать к нему нежные чувства?

А его брат, похоже, принял его за того самого молодого господина Хэланя из Цзяннани. И хотя господин Хэлань был оклеветан и его судьба достойна сожаления, но принять такого знатного господина за куртизана... И тот не только не разгневался и не обиделся, но и отплатил за всё титулом и статусом купца, да ещё и так настойчиво просил наставить брата на путь истинный. Поистине, благородный муж.

При этой мысли Шэн Чанчжоу снова покрылся холодным потом. Он не знал, как теперь убедить своего двоюродного брата. С тяжёлым сердцем он вернулся к себе и немедленно приказал собирать вещи. Завтра же он переедет в Квартал Бамбуковых Ветвей к брату, чтобы как следует его наставить.

Прибыв в Квартал Бамбуковых Ветвей, он увидел, как ветер колыхает бамбук за окном, отбрасывая на стены зелёные тени. Из окна открывался вид на реку, сливающуюся с небом, — картина, полная изящества и красоты.

— А братец неплохо устроился! — невольно восхитился он.

Сюй Чунь провёл его на второй этаж, в спальню, и, показывая обстановку, с улыбкой сказал:

— Всё это я сам выбирал для тебя, брат. Твой дом в Области Минь, конечно, гораздо больше и роскошнее. Не обессудь, что у меня здесь тесно и скромно. Если что-то не так, скажи мне или Шэн Лю, я велю всё устроить.

— Я слышал, ты на днях приютил у себя одного господина, — с притворной брезгливостью сказал Шэн Чанчжоу. — Надеюсь, он не жил в этой комнате?

— Брат, — серьёзно ответил Сюй Чунь, — все слуги в этом доме — из семьи Шэн, так что от тебя мне нечего скрывать. Но я хочу прояснить. Во-первых, Девятый братец — человек, которого я глубоко уважаю, так же, как и тебя. И хотя я питаю к нему нежные чувства, он относится ко мне как к другу. Между нами нет ничего предосудительного. Во-вторых, он жил в моей комнате, пока болел, а я спал в кабинете. Эта комната новая, в ней никто не жил. Я уважаю тебя так же, как и Девятого братца.

Шэн Чанчжоу стало стыдно. Он по-новому взглянул на своего двоюродного брата. Раньше он считал его юным, неразумным и нуждающимся в наставлениях. А теперь эти слова выдавали в нём человека искреннего и благородного. Он почувствовал глубокое уважение, но всё же осторожно спросил:

— Это я виноват, не сердись. Я просто слышал, что ты познакомился с этим молодым господином Хэланем в неподобающем месте и даже потратил большие деньги, чтобы выкупить его. Наверное, за этим стоит какая-то история?

— Девятый братец... — Сюй Чунь помолчал. — Я думаю, он не господин Хэлань. В тот день я действительно пришёл на его корабль по приглашению и там встретил его. Восхищённый его красотой, я подошёл заговорить, но он отверг меня и велел больше не посещать такие места. Мне стало очень стыдно, но в то же время я жалел господина Хэланя и решил помочь ему освободиться. Я тайно обратился в столичное управление. Я не ожидал, что он превратит эти деньги в титул для моей матери. Тогда я подумал, что у него есть старые связи при дворе. Но потом, вспомнив, я понял, что даже знатные семьи не смогли бы заставить придворного евнуха помочь.

— К тому же, те десять тысяч лянов серебра я действительно отдал в столичное управление, чтобы покрыть дефицит. Как они превратились в пожертвование на строительство кораблей для Министерства общественных работ? А ещё и пожалование титула от Министерства ритуалов... В этом деле замешано столько ведомств, обычный человек не смог бы этого проверить. Об этом даже думать страшно.

— Позже, когда мы случайно встретились и я ухаживал за ним во время его болезни, он велел мне называть его Девятым братцем. Его манеры, знания, речь — всё говорило о благородстве. Он был далёк от всяких развлечений. Когда лекарь Чжоу и Дунхай делали ему иглоукалывание, он спокойно снимал одежду, привыкший к тому, что ему прислуживают. Очевидно, он привык к роскоши и высокому положению.

— Если подумать, он никогда не говорил, что он Хэлань. А тот молодой господин Хэлань с юности был унижен и брошен в мир развлечений. С таким чистым и незапятнанным нравом он бы не выжил. Думаю, Девятый братец был просто гостем господина Хэланя. В тот день они, должно быть, встречались на корабле по какому-то делу, а я просто ошибся. И у него, вероятно, есть причины скрывать свою личность.

Тот Фан Цзысин, хоть и говорил, что он друг Девятого братца и служит в дворцовой страже, но его почтение к нему было очевидным. Не говоря уже о том, что какие бы драгоценности Сюй Чунь ни предлагал, Девятый братец принимал их как должное. Он сохранял спокойствие на грани жизни и смерти, его знания были обширны, а характер — холоден как лёд и ясен как луна. Такой человек не мог быть обычным. За эти дни Сюй Чунь многое понял.

Шэн Чанчжоу был поражён. Он не ожидал, что Сюй Чунь так быстро догадался, что знатный господин — не Хэлань Цзинцзян.

— Тогда, может, ты пытался узнать, кто он? — с улыбкой спросил он, опасаясь, что его брат своей неосторожностью может навлечь на себя гнев этого человека. — Может, мне помочь?

— Он не хочет, чтобы я знал, значит, я и не буду знать, — покачал головой Сюй Чунь с ноткой грусти. — Не нужно докапываться до сути. Я знаю его как моего Девятого братца.

Хотя они не обменялись именами, и его уход был поспешным, и он до сих пор не знал, где его искать, но он чувствовал, что Девятый братец относился к нему с терпением и заботой.

Девятый братец скрывал своё имя, был постоянно в печали, и даже на грани жизни и смерти ему приходилось таиться. Очевидно, его жизнь была нелегка. Раз он мог распоряжаться в правительственных ведомствах и содержать стражу, почему на него покушались, и ему приходилось лечиться тайно? Должно быть, его враги очень сильны. То, что он не назвал своего имени, было, скорее всего, для его же, Сюй Чуня, защиты. Он лишь хотел, чтобы Девятый братец, будучи с ним, мог хоть немного забыть о своих горестях, и не смел просить о большем.

Но всего этого он не мог рассказать брату. Семья Шэн и так опасалась, получив статус императорского купца. Если бы они узнали, что он связался с человеком с таким туманным прошлым, они бы забеспокоились ещё больше. К тому же, Девятый братец был предметом его обожания, а Чанчжоу — его кровный брат. Он не хотел, чтобы брат сказал о Девятом братце хоть одно дурное слово.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Шэн Чанчжоу. Он больше не смел недооценивать этого юношу, казавшегося на первый взгляд легкомысленным, но обладавшего сердцем из семи отверстий. Взяв его за руку, он сказал: — Уступить, отступить, и на душе покой. Редкое счастье — быть в неведении! Ты поступаешь мудро, брат. Не думай больше об этом. Мы, братья, так редко видимся, нельзя терять время. Вели-ка Шестой нянюшке принести лучшего вина и закусок, будем веселиться!

— Оставайся в столице подольше, брат, — улыбнулся Сюй Чунь. — Скоро весенние экзамены, потом праздник Цинмин, праздник Шансы, день рождения Будды — будет очень весело. Я тебе покажу все лучшие места в столице, где можно вкусно поесть и выпить.

— Увы, не смогу надолго задержаться, — вздохнул Шэн Чанчжоу. — Скоро день рождения Тяньхоу, нужно возвращаться и помогать отцу с жертвоприношениями.

— Это тоже важное дело, — с сожалением согласился Сюй Чунь. — Ничего, у нас ещё всё впереди. — И он крикнул, чтобы Шестая нянюшка несла вина, непременно молодого, из баранины. — Хочется сегодня напиться допьяна. Хорошо, что ты здесь, брат. Будем пить до утра.

Шэн Чанчжоу рассмеялся. Сячао принёс вино и налил ему.

— Старший молодой господин, обязательно попробуйте. Такого вина из баранины у нас в Области Минь нет. Его делают из клейкого риса, молодого барашка, миндаля и древесного аромата. Вкус у него мягкий, сладкий, как мёд.

Шэн Чанчжоу посмотрел на прозрачное вино в чаше, но пить не спешил.

— Боюсь, наследник хочет напиться из-за другого человека, а меня использует как предлог. Я на эту роль не согласен. Завтра тётя увидит тебя пьяным и обвинит меня в том, что я тебя спаиваю. Такого греха я на душу не возьму.

Сюй Чунь поднял чашу, осушил её одним махом, и на его щеках проступил румянец.

— В безумстве хмельном ищу я забвенья, но песня и кубок — пустое веселье. Пусть пояс мой узок, жалеть я не стану, из-за него иссохну, увяну, — с улыбкой продекламировал он.

Шэн Чанчжоу, обычно сдержанный, не удержался и, взяв свою чашу, рассмеялся.

— Даже стихи выучил. Не знал, что мой брат Юлинь — такой романтик.

— Я ему не нравлюсь, — вздохнул Сюй Чунь. Горячее вино обожгло его душу, и ему стало по-настоящему грустно. — Он хочет, чтобы я усердно учился, а у меня ничего не получается.

Шэн Чанчжоу посмотрел на раскрасневшееся лицо Сюй Чуня, на его круглые кошачьи глаза, сейчас влажные от слёз. Он вспомнил, что тот знатный господин действительно просил его наставить брата на путь учения и добродетели. Он тоже тяжело вздохнул. Похоже, его брата ждёт разочарование. Лучше уж напиться с ним. Пройдёт время, и, может быть, он забудет это мимолётное увлечение.

***